

Смарт-контракт как перспектива цифровой трансформации формы договора

Научный руководитель – Разуваев Николай Викторович

Бурова Софья Михайловна

Студент (бакалавр)

Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: sophaburova02@yandex.ru

Сегодня всё чаще договорные отношения создаются и фиксируются с использованием цифровых технологий – каждый день в виртуальном пространстве совершаются тысячи транзакций, связанные с куплей-продажей, поставкой, арендой, займом и т.д. Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ в ст. 160 Гражданского кодекса было добавлено определение электронной формы договора как разновидности письменной[1]. Причем законодатель в качестве обязательного условия закрепил необходимость обеспечения возможности воспроизведения на материальном носителе в неизменном виде содержания сделки, заключенной с помощью электронных либо иных технических средств.

Из представленной дефиниции можно выделить следующие признаки, которые характерны для электронного документа: воспроизводимость на материальном носителе и пригодность для восприятия человеком. Однако воспроизведение электронного договора на материальном носителе придает ему форму аналогового[2].

Кроме того, не всегда договор, существующий в цифровой среде и написанный бинарным кодом, может быть воспринят человеком, поскольку его условия изложены на языке программирования и неразрывно связан с использованием распределительного реестра Blockchain. Смарт-контракт, как определяет А.И. Савельев, есть договор, созданный в форме программного кода, реализуемого на платформе блокчейн, которая обеспечивает автономность и самоисполнимость условий соглашения в случае наступления определенных обстоятельств[3]. Самоисполнимость придает договору динамический характер, т.е. способность реагировать на любые изменения в рамках сложившегося обязательства, что затрудняет его воспроизведение на материальном носителе.

Таким образом, смарт-контракт не соответствует требованию законодателя относительно пригодности для восприятия человеком и способности воспроизводиться на материальном носителе, поскольку он формулируется на языке программирования и существует в децентрализованном реестре.

Следует отметить, что в техническом смысле смарт-контракт понимается как компьютерная программа, программный код, позволяющий автоматизировано исполнять обязательства[4]. Язык программирования невозможно сравнить с привычным для человеческого восприятия естественный или юридическим языками, поскольку он представляет собой технический, формализованный язык. Как отметил А.И. Савельев, в искусственных языках программирования синтаксис и семантика строго определены, поэтому они не допускают свободного толкования выражения, что характерно для естественного языка. Однако, как в германской, так и во французской доктрине содержится мнение о том, что в смарт-контракте воля выражается на другом (информационном) языке, сравнимым с иностранным, обеспечивая тем самым свободу выбора языка договора[5].

Среди исследователей остается актуальной дискуссия о способности смарт-контракта быть выражением воли сторон. Некоторые из их считают, что программный код, будучи

нечитаемым для человека, не может служить формой волеизъявления сторон[6]. Мы придерживаемся мнения, что смарт-контракт вне зависимости от условия самоисполнимости и его заключения в виде программного кода, все же является таковой, поскольку для возникновения договорных правоотношений необходимо наличие воли сторон на совершение сделки, волеизъявление должно содержать все существенные условия договора. А выбор формы волеизъявления обеспечивается свободой договора.

В таком случае, если волеизъявление, выраженное в смарт-контракте, записанное с помощью программного кода может быть обращено в доступную для человека форму с помощью программного обеспечения или эксперта, то нет оснований не признавать его формой договора[7]. Кроме того, такое волеизъявление соответствует признакам письменной оферты, содержащимся в ст. 435 ГК РФ, а именно: достаточной определенности, содержанию в тексте существенных условий договора, выражению оферентом намерения считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Так, в ст. 5.3. Декрета Президента Республики Беларусь закреплено, что лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом, осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное. Также представляется, что воля сторон на автоматическое исполнение условий договора выражается еще на этапе заключения смарт-контракта, что образует, по мнению А. Савельева, фикцию «заранее выраженного согласия».

Также выражается точка зрения о причислении смарт-контракта к самостоятельным типовым договорным конструкциям как договора, заключенного с помощью электронных либо иных технических средств, условиями которого предусмотрено исполнение возникающих из него обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями договора[8]. Этому мнению придерживаются и Ефимова Л.Г. и Сизимова О.Б. Вместе с тем они относят смарт-контракт к специальной разновидности электронной формы сделки.

Однако мы не можем согласиться с определением смарт-контракта как типовой договорной конструкции, поскольку он служит внешним выражением воли сторон, доказательством наличия правоотношений, что создает основания для определения его как специфической формы договора. Он не является модельной организацией обязательственных правоотношений и не определяет применение специального правового режима, что характерно для договорной конструкции[9]. Но это не отрицает того факта, что реформирование законодательной системы может создать условия для причисления смарт-контракта к типовой договорной конструкции.

Начало использования сторонами смарт-контракта вполне соответствует фикции письменной формы, закрепленной в п. 3 ст. 434 ГК и п. 3 ст. 438 ГК: письменная форма считается соблюденной, если лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, совершены действия по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.п.), то такие действия считаются акцептом. «Упрощенные порядки», действующие в рамках современного гражданского законодательства также соответствуют фикции письменной формы[10].

Нам представляется закономерным и логичным разграничение понятий «электронный» и «цифровой» договор, а также признание цифровой формы договора как специфического вида письменной формы. Причем, как отмечает А. А. Волос, сам смарт-контракт предопределяет особенности формы заключения договора^[11].

Смарт-контракт опосредует отношения в виртуальной среде, что определяет ряд его уникальных черт:

- 1) для его заключения необходимо использование электронной подписи;
- 2) его предметом, как правило, являются цифровые активы;
- 3) условия оформляются на языке программирования;
- 4) он может заключен только на базе распределительного реестра Blockchain;
- 5) связанная с использованием технологии Blockchain анонимность сторон договора.

Возможность автоматического исполнения договора – главный отличительный признак цифровой формы от «классической» электронной, поскольку для последней характерно исполнение обязательств сторон своими силами и действиями.

Форма договора выполняет ряд функций, к которым в частности относят доказательственную и идентификационную. Фактически, единственным свидетельством существования договорных отношений, опосредованных смарт-контрактом, является сохранение записи в распределительном реестре.

Мы приходим к выводу о необходимости признания цифровой формы договора, в которой и заключается смарт-контракт, как специального вида письменной формы договора поскольку:

- это позволит избежать неопределенности в токовании и разграничить такие понятия, как «аналоговая», «электронная» и «цифровая» среда;
- откроет перспективы для заключения договоров не на естественном, а на строго формализованном языке – языке программирования, а также для широкого использования технологии Blockchain;
- даст дальнейшее развитие правоотношениям в цифровой среде, где стороны и предмет договора представляют собой виртуальные единицы;
- и наконец, в цифровой форме уже сейчас можно заключить практически любой договор, поскольку его предметом может стать всё, что может быть оцифровано и запрограммировано.

Безусловно, вопрос определения и признания цифровой формы договора как самостоятельного вида является дискуссионным и подлежит дальнейшему рассмотрению и обсуждению с точки зрения теории и практики. В России появилась новая форма российского рубля – цифровая, функционирующая на платформе блокчейн. Это значит, что появился новый цифровой актив, которым, в отличие от криптовалюты, можно расплачиваться за товары и услуги, наряду с безналичной и наличной формой рубля. Внедрение в бизнес-процессы смарт-контрактов видится нам все более реальной перспективой, кроме того Центральный Банк отмечает в качестве преимущества от внедрения цифрового рубля создание инновационных финансовых продуктов и сервисов (смарт-контракты)^[12]. Цифровизация правовых отношений неминуема, а потому данная проблема остается актуальной не только для российской правовой системы, но и для всего мирового сообщества.

[1] Федеральный закон от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // «Российская газета» от 20.03.2019 № 60

[2] Гадасин В.А., Конявский В.А. От документа - к электронному документу. Системные основы // Москва, 2001. - 189 с.; 20 см. - (Серия "Инфраструктура информатизации" / М-во Рос. Федерации по связи и информатизации. Всерос. науч.-исслед. ин-т пробл. вычисл. техники и информатизации (ВНИИПВТИ))

[3] Савельев И.А. Договорное право 2.0: «Умные контракты» как начало конца классического договорного права. СПС «КонсультантПлюс»

[4] Гринь Олег Сергеевич, Гринь Елена Сергеевна, Соловьев Александр Владимирович Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. №8 (153).

[5] Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-doktrinalnyh-kontseptsiy-pravovogo-regulirovaniya-smart-kontraktov-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 05.09.2023).

[6] Available at: https://www.sit.fraunhofer.de/fileadmin/dokumente/studien_und_technical_reports/Fraunhofer-Positionspapier_Blockchain-und-Smart-Contracts.pdf?_id=1516641660

[7] Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-doktrinalnyh-kontseptsiy-pravovogo-regulirovaniya-smart-kontraktov-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 05.09.2023).

[8] Гринь Олег Сергеевич, Гринь Елена Сергеевна, Соловьев Александр Владимирович Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. №8 (153).

[9] Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 21-28.

[10] Гринь О. С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. №6 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-trebovaniy-k-forme-dogovorov-s-uchetom-razvitiya-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 11.09.2023).

[11] Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. N 12. С. 5–7.

[12] Банк России [Электронный ресурс]: <https://cbr.ru/fintech/dr/>

Источники и литература

- 1) Гадасин В.А., Конявский В.А. От документа - к электронному документу. Системные основы // Москва, 2001. - 189 с.; 20 см. - (Серия "Инфраструктура информатизации" / М-во Рос. Федерации по связи и информатизации. Всерос. науч.-исслед. ин-т пробл. вычисл. техники и информатизации (ВНИИПВТИ))
- 2) Гадасин В.А., Конявский В.А. От документа - к электронному документу. Системные основы // Москва, 2001. - 189 с.; 20 см. - (Серия "Инфраструктура информатизации" / М-во Рос. Федерации по связи и информатизации. Всерос. науч.-исслед. ин-т пробл. вычисл. техники и информатизации (ВНИИПВТИ)) [3] Савельев И.А. Договорное право 2.0: «Умные контракты» как начало конца классического договорного права. СПС «КонсультантПлюс»
- 3) Гринь Олег Сергеевич, Гринь Елена Сергеевна, Соловьев Александр Владимирович Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. №8 (153).
- 4) Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 21-28.
- 5) Гринь О. С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. №6 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-trebovaniy-k-forme-dogovorov-s-uchetom-razvitiya-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 11.09.2023).

- б) Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. N 12. С. 5–7.